

РЕСУРСНЫЕ ВОЙНЫ XXI ВЕКА

Автор: ЯНИЦКИЙ О. Н.

ЯНИЦКИЙ Олег Николаевич - доктор философских наук, профессор, заведующий сектором социально-экологических исследований Института социологии РАН.

У автора этой книги [1] - уникальная позиция. 20 лет Джузеппе Кьеза проработал в нашей стране журналистом, изучая ее изнутри в самые тревожные годы. Теперь он член Европарламента, анализирующий ситуацию в России и мире с "высокой точки" глобальной политики. О какой же войне он пишет? Речь идет о войнах за мировые природные ресурсы и их информационное обеспечение, которые, по его мнению, уже ведутся между основными игроками на этой арене: США, Китаем, Индией и Россией. Войны эти пока в основном дипломатические и политические (с экономической подоплекой), но все чаще в них используется угроза применения экономической блокады или прямой военной силы. Жанр книги - прикладная глобалистика с акцентом на причинах, средствах и возможных социально-экономических последствиях ресурсных войн для России и мира в целом.

Рассмотрим три основных тезиса книги.

Первый. При нынешнем темпе потребления и стремлении "империй" к мировому господству или, по крайней мере, к сдерживанию других посредством военной силы, помноженному на бешено растущее потребление, мировых ресурсов на всех не хватит. Значит, *природные ресурсы* есть стратегически важный инструмент обеспечения этого господства и влияния на мировые дела. США, Китай и Россия вовлечены в гонку борьбы за контроль над ресурсами планеты. Например, "Китай, рассылающий своих эмиссаров по всему миру для закупки (на доллары, накопленные за последние двадцать лет бурного развития) всего того, что только можно купить. Прежде всего это касается газа и нефти". Китайцы покупают все: заводы, части корпораций, "но прежде всего они скупают предприятия, которые перерабатывают стремительно дорожающее сырье, например, алюминий и медь. Скупают целые залежи тех же и многих других минералов. Платят наличными и не торгуются" [1, с. 12].

Почему? Прежде всего потому, что "они встревожены, опасаются, что нефть, в которой они отчаянно нуждаются, почти вся находится в руках Соединенных Штатов; вскоре она может стать не только редкостным товаром, но, прежде всего инструментом давления и шантажа" [там же]. И так поступают все, потому что владение ресурсами есть власть, инструмент политического влияния и господства. Достаточно вспомнить 2006 г., в течение которого Россия вела ресурсные войны не только со своими главными антагонистами на мировой арене - США и Евросоюзом, но и почти по всей своей западной и южной периферии - с Белоруссией, Грузией, Молдавией и Украиной. То есть именно с теми, кто мыслится нашими потенциальными союзниками или, по крайней мере, представляют собой "пояс безопасности". Ресурсная политика и есть главная политика, неважно персонафицируется ли она в лице публичных политиков,

гг. Г. Онищенко и О. Митволя, или совершается за закрытыми дверями "высоких договаривающихся сторон".

Но разве дело только в политике? Дело в фундаментальном противоречии принципов воспроизводства двух систем, поддерживающих жизнь человека на Земле: природной и социально-экономической. Глобальное потепление, озоновая дыра, цунами и ураганы, аномальные скачки температуры - все это сигналы нарушения природного равновесия. "Природа движется иными, своими собственными темпами. По ее логике (а это логика естественных законов) нет места для искусственного ускорения. Человек ввел искусственное ускорение по всем направлениям... Экономическая система, в которой мы живем, не предусматривает замедления, отступления, торможения" [1, с. 305]. Но безграничный рост коренится еще глубже - в идеологии и культуре общества потребления. Продвигать эту идеологию средствами ресурсного давления или военного вмешательства можно до определенного предела, но "усмирить Природу" или восстановить ее равновесие невозможно. "Великая фабрика грез и лжи по всей планете скрывает от нас реальный мир и не позволяет нам разглядеть грандиозный и непримиримый конфликт с природой, что является самым страшным из ныне существующих противоречий" [1, с. 247].

Но дело не только в названном противоречии. В более широком смысле - это борьба за пространство жизни. Глобальный капитал ведет, по выражению британского социолога З. Баумана, "великую войну за независимость от пространства, разделяя мир на "потoki" и "места", то есть на тех, кто живет во времени, и тех, кто живет в пространстве" [2, с. 18 - 19] и кто связан с природой и местным культурным ландшафтом. В ходе войны происходило последовательное и неумолимое освобождение центров принятия решений (а также расчетов, на основе которых эти центры принимают свои решения) от территориальных ограничений, связанных с привязкой к определенной местности. Так как "состав акционеров не определяется пространством", всякая компания обладает свободой передвижения... "Тот, кто обладает свободой "бежать" из данной местности, абсолютно свободен от последствий своего бегства". В результате "возникает новая асимметрия между экстерриториальной природой власти и по-прежнему территориальной "жизнью в целом", которую власть, снявшаяся с якоря и способная перемещаться мгновенно и без предупреждения, может свободно использовать, а затем оставить наедине с последствиями этого использования... Теперь в расчетах "эффективности" инвестиций можно уже не учитывать затраты на борьбу с последствиями" [3, с. 19]. В результате уникальные социоприродные системы и ландшафты, которые являются ключевыми "опорными точками" устойчивости биосферы и хранителями неповторимых образцов мировой, в том числе русской, культуры, исчезают на глазах.

Отсюда вытекает **второй** тезис Дж. Кьезы: победа в ресурсных войнах обеспечивается производством *информационных ресурсов*, деятельностью СМИ. Солидаризуясь с У. Бекем, Кьеза утверждает, что телевидение и интернет и есть не только главный инструмент политики, но политика как таковая (или, как ее именует У. Бек "неполитическая политика"). И объясняет механизм этого производства: "Мегамашина массовых коммуникаций систематически снижает интеллектуальное содержание познавательной деятельности, сводит на нет демократию, порождает конфликты и войны. Она... погружает нас в некое подобие "матрицы", где невозможно что-либо понять, потому что нет больше ни начала, ни конца, потому что все раздавлено настоящим, прошлое не имеет значения, а будущее попросту не существует... Все присутствует одновременно, правда и ложь взаимозаменяемы" [1, с. 218]. Дж. Кьеза, вслед за М. Кастельсом, называет СМИ "зловещей паутиной", которая, проникая во внутренний мир человека, поражает его разум и мозг, не позволяя ему размышлять и критически судить. Всемирная паутина "стала грандиозным складом и универсальным магазином, непристойным секс-шопом, ужасающим вместилищем фальсификаций и манипуляций, направленных на отвлечение внимания общественного мнения" [1, с. 219, 223]. Идея общества знаний оказывается выхолощенной. Люди являются не более, чем "че-

ловеческими ресурсами", потребность в которых сокращается. Миром правит суперклан, его ядро и политический инструмент - *медиакратия*.

Этот мощный ресурс разрушает базовые институты общества, сформировавшиеся на протяжении столетий. "Одним-единственным ударом у семьи была отнята всякая образовательная ценность..., школа была сведена к нулю, приходский молодежный клуб, улица, [местная] ячейка исчезли... Социалистические и христианские ценности были заменены конкуренцией и апофеозом потребительского отношения к жизни. Материализм и эгоизм торжествуют. Они стали добром" [1, с. 249].

Дж. Кьеца справедливо полагает, что интеллектуалы старшего поколения в России и Европе недооценили потенциал разрушительного влияния телевидения и новейших технологий на общество. Они были "сражены новшеством, не увидели и не поняли его, они ему просто покорились", став тем самым "провинцией Империи". И там, и здесь левые интеллектуалы вместо того, чтобы осознав новую ситуацию, "включиться в гонку в новых условиях,.. они со всем смирились, все переварили, пристроились в кильватер к хозяевам коммуникаций, ...превратили [политические] партии в "легкие партии", то есть в "партии мнений". В то же самое время "Буш, и все остальные правители в первую очередь озаботились тем, чтобы контролировать массмедиа, прежде всего телевидение" [1, с. 254 - 255, 263].

В СМИ действует принцип: плохая, но хорошо продаваемая информация, всегда лучше, чем умная, но продаваемая с трудом. "Думать, - пишет Дж. Кьеца, - процесс утомительный, он вызывает дискомфорт у покупателя,... правда часто оказывается трудной для понимания, потому что она трудна для описания" [1, с. 226]. СМИ создают постоянный шумовой фон, который раздражает или усыпляет, но всегда мешает анализировать и оценивать. Современные СМИ производят не столько знание о ситуациях и тенденциях, сколько готовые стереотипы образа жизни, вкусы, моды, служащие развитию потребительского общества. Снижение общего интеллектуального и нравственного уровня - необходимое условие нормального функционирования "ресурсной парадигмы". Наконец, все есть на экране телевизора - развлечения, торговля, опыт криминала. Нет только главного - работы, пропаганды этики напряженного систематического труда. Не согласны? Тогда включим телевизор и посмотрим, как подаются "экологические" новости.

Медиарынок использует множество социальных технологий для поддержания в обществе потребительского ажиотажа в отношении ресурсов и отвлечения от насущных проблем. Назову лишь некоторые из них. СМИ подают очередную идею (закон, проект) о продаже (участков земли, леса, прав на ловлю рыбы или добычу полезных ископаемых) как исключительно позитивную, несущую обществу лишь блага (вспомним закон о монетизации льгот или столь же печальную практику участия граждан в "долевом строительстве"). Причем информация всегда встроена в "веселые картинки" безоблачной и легкой жизни. Еще чаще - в самую сюжетную ткань бесконечных сериалов и блокбастеров. В крайнем случае, они дают "сбалансированную", то есть фактически противоречивую экологическую информацию, но без всякой ее оценки и интерпретации. Первое слово всегда предоставляется инициаторам продаж (бизнесменам, чиновникам, экспертам) и очень редко - независимым ученым или гражданским активистам. Если закон (проект) все же вызывает в обществе беспокойство, как это было в случае с новым Лесным кодексом, то СМИ дозируют информацию о возможных последствиях, "наркоотируют" сознание масс ("все под контролем", "принимаются все меры") или исключают тревожащую людей проблему из информационного пространства совсем, тем самым скрывая действительные масштабы возможных рисков. Научная аналитика, за исключением редкостей, например, воскресной передачи "Что делать?", почти исчезла с телеэкрана. "Говорящие головы" полностью вытеснили размышляющего ученого или "человека улицы". И это логично, потому что руководящий принцип подачи информации в СМИ - это ее унификация, упрощение, стандартизация (под маской копеечного разнообразия). Даже явно криминальные случаи (наезд в пьяном виде, угон, разбой) подаются телевидением с ноткой сочувствия ("был выпивши",

"не помню", "не думал"). Недаром говорится, что "простота хуже воровства". В любом случае СМИ защищают интересы больших и малых игроков ресурсного рынка.

Третий тезис Дж. Кьезы: миром "правит суперклан, по-видимому, имеющий склонность к суициду. Уже по крайней мере тридцать лет нам забивают голову лозунгами, прославляющими бесконечное развитие и безграничный рост. Но бесконечное развитие в принципе невозможно. Это безумие, которого природа не предусматривает. К тому же, нигде не написано, что природа должна подчиняться законам капиталистической экономики". Чем характерно мышление такого суперклана? Прежде всего доведенным до предела эгоизмом, абсолютной утерей интереса и ответственности к делам общественным. Дж. Кьеза называет этот феномен "индивидуалистическим эгоизмом в первобытном состоянии" [1, с. 307, 308]. Замечу, что этот вывод не беспочвенен: сильные и богатые имеют все больше материальных, силовых и информационных ресурсов для построения своей "параллельной страны", где, как иронизирует З. Бауман, должно быть как можно больше "нас" и как можно меньше "их" [2, с. 34 - 35]. Создание "заповедников для элиты" уже началось и под Москвой [4]. Отсюда, естественно, вытекают два других качества: безответственность и безнаказанность, что продемонстрировали США и их союзники в Югославии и на Ближнем Востоке. Между тем, как показал У. Бек, "эффект бумеранга", то есть возвращение риска его создателю, все чаще наблюдается в благополучных странах Запада [5]. Далее, суперкланы нуждаются в институциональной поддержке. Поэтому они стремятся использовать государственные объединения и союзы (Евросоюз, АЗЭС, ШОС и другие) в своих интересах. Борьба суперкланов за мировые ресурсы очень быстро изменила глобальный политический дискурс, похоронив еще недавно столь популярные идеи "общечеловеческих ценностей", "открытости", "партнерства и доверия". Точнее, они декларируются, но реальная политика всегда эгоистична. Пример тому - соглашение о разделе продукции (СРП) по проектам Сахалин-1 и Сахалин-2, по которым до сих пор Россия несла лишь убытки. Мир становится все более жестким. Как говорят российские политики, Россия вышла из клинча с США, дистанцировалась от этой страны, осознала собственные интересы. И другие должны к этому привыкнуть. Кстати, эти политики говорят, что в России формируется что-то вроде "клуба транснациональных корпораций" с тем, чтобы создать "систему мягкой силы".

Почему то, о чем я веду речь, важно для социологии? Глобализация жизни означает выдвигание на первый план глобальных акторов: государств, их союзов и объединений, а также ТНК, международных НПО, сетевых сообществ и сетевых ресурсов. Сложившееся дисциплинарное размежевание, когда макросубъектами социальной деятельности занимаются юристы и правоведы, более не может считаться правильным. Эти "сверхбольшие" субъекты - не только суверенные акторы на мировой арене, но и агенты, оказывающие влияние и изменяющие всю социальную структуру и образ жизни повседневности. Какую бы национальную или региональную проблему ни изучал социолог, везде "торчат уши" глобальных процессов и институтов. Ныне всякая проблема в России и мире глобальна. Вместе с тем, любая социальная стратегия российского государства (в области жилищного строительства, здравоохранения, образования, культуры) лимитируется доступом к ресурсам.

Важно это для социологии еще и потому, что вопрос о ресурсном изобилии России и, следовательно, благосостоянии ее граждан, оказался не так прост. Как отмечают эксперты, доля добычи сырья, приходящаяся на душу населения, - вот основной индикатор его благополучия. "На каждого гражданина в наиболее успешных "петрогосударствах" ежегодно приходится 50 и более тонн добычи углеводородов, а в "маргинальных" странах этой же группы - 15 - 20 тонн... А это означает, что лишь несколько государств со скромными размерами населения реально способны решать социально-экономические задачи национального масштаба исключительно за счет нефтегазового экспорта" [6, с. 9]. Эти страны известны - Норвегия, ОАЭ, Кувейт, Катар и Саудовская Аравия. Поскольку в России годовой душевой объем экспорта нефти и газа не превышает 3 тонн нефтяного эквивалента, "наши возможности в области конверта-

ции национального углеводородного потенциала в национальное процветание заведомо ограничены". Поэтому "вопрос о широкомасштабной модернизации России за счет использования ее энергетического потенциала следует считать по сути закрытым. *Это невозможно, и ресурсов для этого недостаточно*" [6, с. 11,13].

Если же учесть масштабы социального неравенства в стране, то картина будет значительно хуже, особенно в глубинной России. Еще более сократится занятость местного и коренного населения, возрастут риски аварий с обширными и труднодоступными для спасателей зонами загрязнения, невыполнение иностранными инвесторами обязательств, принятых на себя по международным соглашениям о разделе продукции (СРП), потому что трубопроводы пройдут по малонаселенным районам страны, где протестовать-то будет некому.

Итак, мир вступил в полосу холодных и горячих ресурсных войн, в основе которых лежит "ресурсная парадигма": контроль за производством и транзитом углеводородов и других дефицитных ресурсов конструирует всю архитектуру глобальной экономики и властных отношений на планете. Схватка ведущих держав и ТНК за нефтегазовый шельф на Сахалине или жестокая борьба за туркменский газ, недавняя "газовая война" Украины и России, от исхода которой зависит благополучие всей Европы, - лишь самые яркие тому примеры. Поэтому прав депутат Европарламента Дж. Кьеза: началась эпоха ресурсных войн, и у человечества есть в запасе примерно десятилетие, в течение которого решится судьба XXI века.

Но все же, как ответить на этот глобальный вызов? Ведь проблема "экологического поворота" отнюдь не нова для политиков и социологов, тем более, что в последнее время появились сигналы, что крупнейшие ТНК озаботились глобальным потеплением и строят планы сокращения выброса углекислого газа в атмосферу в ближайшие 30 - 40 лет чуть ли не наполовину.

Меры, которые принимают даже самые богатые и дальновидные государства и ТНК, пока неадекватны тому глобальному вызову, который бросает нам социализированная природа. Добровольная "экологическая сертификация" производителей нефти, газа и других ресурсов, "принципы Экватора", предполагающие большую экологическую чувствительность промышленных компаний, проектирование новых дамб, плавучих ферм и жилищ на польдерах Голландии и даже Киотский протокол, который наконец вроде бы будет ратифицирован США, - это всего лишь защитная реакция, но не пересмотр доминирующего на Западе либерального и потребительского взгляда на природу, который они пытаются навязать России и всему остальному миру. В одной из своих статей я уже отмечал, что известные американские социологи У. Каттон и Р. Данлэп еще в конце 1970-х годов обосновали необходимость перехода от Парадигмы человеческой исключительности к новой, экологической. Идея прошла по всему миру на ура. И что же? 25 лет спустя Р. Данлэп с грустью констатировал, что даже в самой социологии эта парадигма так и не стала мейстримом [7]. В наши дни мировое сообщество экологов озабочено усилением контрэкологических движений, конструируемых правящими элитами развитых стран. Примерно та же судьба постигла серию докладов Римскому клубу "Пределы роста", в работе которого участвовали не только ученые, но представители бизнес-элиты, политики, публичные фигуры. Об идеях комиссии ООН по окружающей среде, развитых в докладе "Наше общее будущее", под руководством премьера Норвегии Г. Х. Брундтланд (1980), сегодня вообще вряд ли кто-нибудь помнит. А кто помнит инициированный российскими экологами указ Б. Ельцина 1994 г. о необходимости перехода РФ к устойчивому развитию, о чем было сломано столько копий?

Как тут снова не вернуться к проблеме правящей элиты, ее восприимчивости к предостережениям ученых и требованиям массовых экологических движений. В заключительной главе книги, озаглавленной "На грани экологического безумия", Дж. Кьеза ставит вопрос жестко: пока политики и ученые рассуждают о ближайшем столетии, "уже в середине века мы окажемся ввергнутыми в трагедию, нам будут грозить беспрецедентные войны на уничтожение". Вина за это, полагает Дж. Кьеза, ле-

жит прежде всего на (транс)национальных элитах. "Наша [политическая] элита чудовищно некультурна и нерадива, она неспособна измерить последствия своих действий". Ее представители безответственны, потому что мыслят рамками своего (ограниченного) политического мандата. Чтобы решать задачи подобного масштаба, эта элита должна быть "поливалентной", то есть опирающейся на знания разного рода: политические, предпринимательские, научные, культурные, духовные. Разделение на политиков и экспертов не отвечает требованиям дня [1, с. 212 - 213]. Но и наука должна институционально перестраиваться. Директивная модель "наука-практике", созданная еще по лекалам Просвещения, должна уступить место модели "переговоров", когда академическое знание вступает в диалог со знанием опытным, полученным в конкретных условиях места и времени. Локальное знание и его носители - гражданские эксперты сегодня столь же важны, сколь и эксперты-профессионалы. Наука должна не только "указывать", но и прислушиваться к "мнению места", будь это локальное сообщество или природная экосистема. Поэтому действительный политический профессионализм правящей элиты должен быть культурно ориентированным, то есть принимающим решения, опирающиеся на понимание того непреложного факта, что сказанное и зафиксированное "сейчас" будет иметь вполне определенные последствия "потом". "Мышление будущим" - вот ключевой принцип воспитания элит XXI века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кьеза Дж.* Война империй: Восток - Запад. Раздел сфер влияния М.: Эксмо, 2006. 320 с.
2. *Bauman Z.* Wasted Lives. Modernity and its Outcasts. Cambridge, UK: Polity, 2004.
3. *Бауман З.* Глобализация. Последствия для человека и общества / Пер. с англ. М.: Весь Мир, 2004.
4. *Мартовалиева Ю.* Пятна для белых. Новая карта Подмосковья, где строится параллельная страна для VIP-персон // Новая газета. 02 - 05 ноября 2006. С. 2 - 3.
5. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-традиция, 2000.
6. *Милов В.* Может ли Россия стать нефтяным раем? // Pro et Contra. 2006. N 2 - 3 (32). С. 6 - 15.
7. *Яницкий О. Н.* Экологическая парадигма как элемент культуры // Социол. исслед. 2006. N 7. С. 83 - 93; *Яницкий О. Н.* Поток и место: к проблеме локального экологического знания // Неприкосновенный запас. 2006. N 2 - 3. С. 30 - 44.